

Воспоминания об учителе

Есть люди, которых не забывают. В силу своих личных качеств, они возвышаются над обыденностью, при этом держат почтительную дистанцию, рискуя показаться мизантропами; они избегают толпы, нежелательных контактов. Как творческие люди, которые идут в ногу со временем, спокойно относятся к славе, внешним почестям, понимая, какую нишу в будущем займут.

К таким дивным людям, по моему мнению, относится и выдающийся монументалист, талантливый педагог, один из основателей художественно-графического факультета педагогического института и его первый декан Валерий Арутюнович Гегамян (1925-2000). В апреле этого года ему бы исполнилось восемьдесят четыре. Это приблизительно тот возраст, когда Микеланджело ваял "Пиету", Тициан писал "Себастьяна", а Сарьян создавал серию последних графических пейзажей любимой Армении.

Есть выражение: "Лицом к лицу лица не увидать — большое видится на расстоянии", — но мы, в прошлом ученики Валерия Гегамяна, уже тогда понимали, что перед нами незаурядная личность, выражаясь отвлеченно, большое духовное явление. Мы могли слушать его советы, общаться, наблюдать, как работает учитель.

Персональная выставка, к сожалению, посмертная (2001 г., ОХМ), поразила многих своими масштабами. Это был и образец творческой лаборатории мастера с десятками подготовительных работ, и теоретически прелюдия к будущей музейной экспозиции. Даже те, кто имел представление о творчестве В.А. Гегамяна, в большинстве случаев не видели его основных работ.

Сегодня трудно представить, как бы сложилась творческая судьба многих из нас, если бы не знакомство с Гегамяном. Его требовательность, трудолюбие и самодисциплина, целеустремленность, а также заостренное чувство добра и зла, и как следствие, бескомпромиссность; его общая культура и беззаветное служение искусству — эти и другие качества ежедневно проявлялись в тех или иных поступках, влияя на окружение. Было понятно, что нескольких лет, отведенных для обучения под его руководством, недостаточно, тем более в стенах пединститута с его многопрофильным образованием. Мы находили понимание и сочувствие у нашего преподавателя, стремившегося дать нам основные принципы работы, метод, сформировать соответственное отношение к искусству. Все было на-

целено на перспективу, на дальнейшее самообразование. "Спеши неспешно", — любил повторять Гегамян. Главным недостатком современных художников Валерий Аругюнович считал неглубокую академическую подготовку, эскизность и неосновательность их работ, хотя и приветствовал новаторские подходы на определенном этапе развития. Наиболее ценные советы я стремился тогда записывать. "Вам бы диссертации писать", — иронизировал учитель.

Как художник-монументалист, призванный воплощать великие идеи, Гегамян не интересовался изменчивым, даже индивидуальным, — в человеке его интересовали типажи. Интересно было наблюдать, как он работал в классе: на первом этапе, устанавливая пропорции и довольно схематично движение, уже угадывалась будущая форма, чувствовалась экспрессия. Эти постановки ставились "с прицелом", для будущих или тех композиций, над которыми он работал в данный момент. Вспоминаю впечатление от выставки: нас не покидало чувство изумления — как эти условные роботы-конструкции могут быть удивительно правдоподобны и выразительны и с такой силой воздействовать на наши чувства! В этом, по-моему, и кроется феномен Валерия Гегамяна, сумевшего на основе, с одной стороны, реалистического сугубо рационального метода изображения и, с другой, — предельной экспрессивности с ее повышенным значением цвета создать ярко индивидуальное монументальное символическое искусство. Оно, безусловно, синтетическое.

Не помню, чтобы Валерий Аругюнович с особенным интересом говорил о пейзаже, но в системе обучения отводил ему определенное место. "Сделайте пейзажики — пойдите, распишитесь", — это к студентке-дипломнице. Как образец высокого трудолюбия он приводил пример Михаила Врубеля, который мог работать по 16-18 часов в сутки. Как-то на вопрос, должен ли художник принуждать себя к работе, он возразил: "Что вы: это же — как поешь!". Однако подобное понимание не исключало изнурительной работы, ведь работал Гегамян в буквальном смысле до капель пота на лице.

Русская школа живописи была для него образцовой, особенно московская (Московское училище живописи, ваяния и зодчества) — К. Коровин, В. Серов, П. Кузнецов, М. Нестеров, А. Архипов, А. Головин, П. Корин. Головина как колориста он боготворил, а среди украинских живописцев особенно ценил А. Мурашко. "Вы посмотрите, как у него лоб вылеплен (портрет художника М. Петрова), — произнес Гегамян, — даже Серов не достигал такого!"

Кажется, именно этой напряженности формы, которая творится как бы изнутри, добивался он в своих работах. Как педагог Гегамян нацеливал нас на изучение тех мастеров, которые имели серьезную школу. Хочу возразить на несправедливый упрек, который предъявляли нашему наставнику в свое время, будто бы он навязывал студентам собственную систему и нивелировал личность. Если непредубежденно посмотреть на произведения его учеников, то легко убедиться в абсурдности подобных обвинений (например, выставка учеников Гегамяна в галерее "Ракурс", 2006).

В людях он терпеть не мог нечестности, зависти, испытывал отвращение к особам агрессивным и своекорыстным. Не жаловал тех художников, которые используют искусство для собственной карьеры и склонны к конъюнктуре. Об одном из них, человеке в свое время влиятельном, Гегамян как-то сказал, что поставил целью не давать таким дороги, поскольку они сеют социальное зло. Во время пребывания в Москве, где Валерий Гегамян по рекомендации Мартироса Сарьяна работал в Худфонде, он подал документы и фотографию своих работ на соискание какого-то звания. Кто-то папку изъял и позже использовал ее для своих целей. Этот неприятный эпизод он помнил всю свою жизнь. Как-то в разговоре Валерий Арутюнович сознался, что не любит людей. Это поразившее меня откровение не было просто эмоцией, а скорее реакцией на окружение, глубоким разочарованием гуманиста. Вспомнилось парадоксальное изречение средневекового мыслителя Августина: "Чем больше я бываю среди людей, тем меньше чувствую себя человеком". Среди коллег Валерий Гегамян выделял, например, Ивана Дмитриевича Логвинова, ценил его доброту и скромность; культуру и такт — у Василия Даниловича Власова и др.

Как-то во время работы с натуры я непроизвольно произнес: "Что может быть прекрасней человека!". На что учитель заметил: "У кошки тоже глубина есть". Этих милых созданий он любил, наблюдал за ними, они забавляли его своим естественным поведением во время перемен во дворе факультета. Гегамян считал, что животные чувствуют, как люди. Он обратил внимание лишь на одну из уникальных планетарных форм жизни, которую мы, к сожалению, в своей самовлюбленности и эгоизме не всегда надлежащим образом замечаем. Должен отметить, что Валерий Арутюнович был вегетарианцем и выражался в пользу того, что в будущем люди научатся обходиться без пищи животного происхождения. Вот такая благородная утопия. Вспомните "Райский сад" М. Сарьяна, где люди и животные живут в совершеннейшей гармонии.

Сарьяну Валерий Арутюнович был многим обязан, ведь знаменитый художник покровительствовал своему ученику. В одно время тот жил у него фактически на правах приемного сына (отец Гегамяна Арутюн Ханагян был репрессирован в период "Большого террора"). Очень ценил Валерий Гегамян дружбу с младшим сыном Сарьяна Саркисом. Не исключено, что именно этот факт мог повлиять на формирование его эстетических взглядов. По свидетельству учителя, Саркис от рождения имел дефект в мимике, и сравнивал его с известным персонажем романа В. Гюго "Человек, который смеется". Акцент Гегамян делал именно на человеческих качествах своего друга.

К студентам Валерий Гегамян относился всегда корректно, не позволял себе фамильярности. Что-то не помню, чтобы он когда-нибудь повышал голос, разве что в минуты раздражения мог на тон выше произнести ваше имя. Выдержанным он был и с коллегами.

Однажды в аудиторию вошел профессор П.А. Злочевский. Возможно, незадолго до этого у них был неприятный разговор. Петр Афанасьевич нравился студентам за веселый нрав и снисходительность. Как главный художник оперного театра он организовывал для студентов бесплатный абонемент на премьеры. Злочевский очень гордился званиями "профессора", "народного" и "заслуженного" и не упускал случая это подчеркнуть. Они были совершенно разными людьми, что чувствовалось и по атмосфере, царившей в их классах. Если у Гегамяна работа протекала в тишине и сосредоточенности в присутствии работавшего наставника, то в своем классе Злочевский бывал набегами, а в его отсутствие сыпались анекдоты, шутки, могла звучать музыка, на что натурщица время от времени реагировала гомерическим смехом. Профессор Злочевский начал хвалить работы Гегамяна: "Как там в портрете председателя колхоза у вас прекрасно руки написаны! Таких рисовальщиков в Одессе больше нет". И это была сушая правда. Гегамян как-то неловко улыбнулся, был сдержанным. Профессор, очевидно, рассчитывал на иную реакцию, он тут же сменил тон и неожиданно бросил: "Однако характер у вас!.." — резко развернулся и вышел. Кто-то бросился закрыть сразу дверь. "Подождите, неудобно как-то", — остановил студента преподаватель. Эта интеллигентность многим импонировала. Сказался аристократизм происхождения Валерия Гегамяна, который по материнской линии происходил из княжеского рода Тер-Меликсицианов.

В редких случаях, если самообладание ему изменяло, Гегамян удивлялся в свободной аудитории, пока не овладевал собой. Это могло быть

связано, например, с переживаниями за здоровье сына (ему тогда было лет шестнадцать) или с собственной неизлечимой болезнью дыхательных путей. По этой причине он избегал прямых контактов с окружением. То есть кроме ограничений духовно-психологических, были и физические. Однако несправедливо представлять нашего учителя как "человека в футляре".

Ему импонировала целеустремленная, начитанная и мыслящая молодежь. Помню, Гегамян очень гордился своей следующей группой (выпуск 1982 г.), в которой сегодня уже известные художники: Виктор Волков, Сергей Лыков, Василий Рябченко, Александр Ройтбурд, Анатолий и Оксана Фурлет. "Такие, как вы трое (Виталий Онищенко, Иван Димов и автор этих строк), у меня теперь вся группа", — признался Гегамян. Видно, что работа с этими ребятами ему доставляла удовольствие. Однако с ней связан и один досадный момент: когда Гегамян пригласил их однажды в свою мастерскую, кто-то из студентов откровенно высмеял работы учителя. Это очень сильно оскорбило его, пожалуй, не меньше, чем московский случай с фотографиями. Справедливости ради нужно признать, что и сегодня многие из этой плеяды, к сожалению, не воздают должного своему учителю. Среди более ранних выпускников Гегамяна следует назвать Евгения Рахманина, Олега Недошитко, Николая Резниченко, Наталию Мегалатеву и др.

Занятие искусством В.А. Гегамян рассматривал не столько как профессию, сколько как духовное призвание. Он в целом негативно относился к выставочной деятельности, считая, что это отвлекает от творчества. К тому же у него была своя высокая планка, но о его творческих притязаниях мы могли лишь догадываться: Гегамян стремился выработать свой собственный монументальный стиль, как выработал свою систему рисунка и живописи. Притязания его были на уровне Ороско, Сикейроса, Риверы.

Они, как и Микеланджело в свое время, служили образцом творческого размаха и новаторства. Думаю, что Валерий Гегамян оставил этот мир с убеждением, что для поставленной цели ему не хватило времени.

Без работы Гегамян считал день прожитым напрасно, и эту требовательность он прививал своим студентам. Большая цель требовала огромного напряжения духовных и физических сил, потому в мастерской художника всегда были гантели и другое спортивное снаряжение.

Несмотря на то, что большую часть своей жизни Валерий Гегамян прожил далеко от родины, он не терял духовной связи со своим народом. Ярким доказательством служит диптих "Кровавая свадьба" (нач. 1990-х —

2000 г. (тут и далее датирование по каталогу "Пламень печали, любовью зажженный. 2001, О., Друк)), замысел которого, судя по всему, возник еще в середине 70-х гг.

Вообще, национальный колорит, народное искусство привлекало Гегамяна своей эстетикой. Он ценил в нем рукотворность, эксклюзив, предпочитал колоритные постановки в национальных костюмах (как в период пребывания в Дагестане, конец 1950-х — 1962 г., так и в одесский период). Этому способствовали выезды со студентами на пленэр в Карпаты и другие места. Политические события в 1989-91 гг. усилили интерес к истории страны, с которой его связывали последние сорок лет жизни. Известно, что Валерий Арутюнович читал "Исторію України-Русі" М. Грушевского. Это был человек, который шел в ногу со временем.

Автор выражает признательность
Александру Гегамяну и Дмитрию Банникову

